

лотками подъ мышкой, направляясь къ Апраксину рынку.

Іюльскій день угасалъ. Жара замѣтно спадала, а въ легкихъ, нерѣшительныхъ порывахъ вѣтра чувствовалась даже нѣкоторая прохлада. Солнце далеко ушло на западъ и косые лучи его освѣщали уже только карнизы заводскихъ трубъ да золотые кресты высокихъ колоколенъ. Отъ домовъ черезъ улицы упали широкія густыя тѣни. До вечера оставалось недолго.

На Щукиномъ дворѣ, куда попали юные торговцы, было людно, шумно и весело. Проходя черезъ птичій рядъ, мальчики на мгновение остановились, чтобы посмотреть на пернатыхъ узниковъ, которые, точно въ истерикѣ, бились въ грязныхъ деревянныхъ клѣткахъ. Низкіе, длинные корпуса лавокъ были кругомъ обвѣшаны клѣтками различныхъ величинъ. Въ клѣткахъ этихъ кричали и бились птицы, а въ нѣкоторыхъ содержались бѣлки, кролики и зайцы. Какихъ только птицъ здѣсь не было! Тутъ были жаворонки, щеглы, дрозды, гуси, куры, соловьи, индюки, голуби, чижи... Густо насаженные въ неуклюжихъ клѣткахъ, птички прыгали, взмахивали крыльями, клевали и били но-

сиками деревянные рѣшетки и такъ кричали, что ихъ крикъ слышенъ былъ далеко за рынкомъ. Пискъ, кудахтанье, трели, воркованье, свистъ, щелканье и множество другихъ птичьихъ голосовъ не прекращались ни на минуту. Этотъ разноголосый хоръ рѣзалъ слухъ и болѣзненно дѣйствовалъ на нервы. То была не свободная хоровая пѣсня птицъ, которая поется ими въ чащѣ лѣсовъ или на свѣтломъ просторѣ зеленыхъ полей, то была совсѣмъ и не пѣсня, а жалоба и мольба невольниковъ, у которыхъ отняли свободу. Птицы зывали къ людямъ и умоляли вернуть имъ свободу, открыть клѣтки и дать имъ улетѣть туда, далеко, гдѣ синѣютъ лѣса, гдѣ небо море обнимаетъ, гдѣ нѣтъ неволи, гадкихъ клѣтокъ и безсердечныхъ злыхъ людей.

— А что, Қоська, ежели бъ взять да выпустить бы ихъ всѣхъ, какъ есть, на волю? мечтательно протянулъ Санька.

— Кого выпустить? не понялъ. Қоська.

— Да птичекъ

— Нда, была бы потѣха... И-ихъ, какая бы туча поднялась!..

— А купцы, подхватилъ Санька,—заревѣли бы: „Ай, батюшки, куда наши денеж-

ки улетѣли... Погодите, родименькіе, не поднимайтесь такъ высоко!“ А птички бы: „Чирикъ-чирикъ — прощайте, молъ, купцы поштенные...“ да прямо бы къ небесамъ...

Санька до того размечтался, что ему уже стало казаться, что все это только что случилось, и что птички тучей носятся надъ рынкомъ и дразнятъ купцовъ. Но вдругъ мечты его оборвались: онъ увидалъ въ одной изъ клѣтокъ большого умирающаго зайца.

— Глянь-ко-сь, сѣрый помираетъ!—ухватилъ онъ пріятеля за рукавъ, указывая ему на зайца.

Клѣтка съ зайцемъ стояла на ящикѣ у входа въ лавку. Заяцъ неподвижнымъ сѣрымъ комомъ лежалъ на днѣ клѣтки и почти не дышалъ. Длинные уши животного лежали на сгорбившейся сѣдой и мягкой спинѣ, а лапы были спрятаны. Небольшая голова съ разсѣченной верхней губой безпомощно упала на дно клѣтки и была совершенно неподвижна. Большіе круглые глаза больного зайца были задернуты какой-то матовой пленкой и ничего не видѣли.

— Сейчас помретъ, бѣдняга!—съ беспокойствомъ проговорилъ Санька и вплотную подошелъ къ клѣткѣ.

Заяцъ даже не шелохнулся.

— Нда, скоро ему крышка будетъ... про-
бормоталъ и Қоська, осматривая зайца со
всѣхъ сторонъ.

Въ это время изъ лавки, провожая поку-
пателя, вышелъ молодой парень-приказчикъ.

— Гляди, заяцъ помираетъ у васъ,—обра-
тился къ нему Санька.

— А вы кто будете,—докторъ?—ирони-
чески спросилъ приказчикъ и вслѣдъ затѣмъ,
низко кланяясь, добавилъ, обращаясь къ
Санькѣ:—Будьте отцомъ роднымъ, помогите
больному... У него богатые сродственники
есть; вамъ хорошо заплатятъ...

— Пойдемъ, Санька; нечего дурака слу-
шать!—разсердился Қоська и потащилъ то-
варища.

Изъ птичьяго рынка они скоро попали
въ большой фруктовый рядъ, гдѣ мгновенно
потеряли другъ друга изъ виду. Не успѣлъ
Санька оглянуться, какъ его товарищъ врѣ-
зался въ толпу и затерялся. Здѣсь было
тѣсно, многолюдно и шумно. Узкій и длин-
ный проѣздъ съ обѣихъ сторонъ былъ за-
валенъ корзинами и ящиками, наполненными
ягодами, фруктами и скороспѣлыми арбузами
и дынями. Подъ широкими навѣсами вид-

нѣлись горы яблокъ, грушъ, сливъ и вишенъ. Это было какое-то царство плодовъ. Можно было подумать, что жители столицы никогда не съѣдятъ этого моря фруктовъ и ягодъ...

Сладкій товаръ прибывалъ сюда изъ далекой Украйны, изъ грознаго Кавказа, изъ теплаго Крыма, изъ южной Франціи, изъ Турціи, Греціи и даже изъ знойной Африки. Съ утра до вечера гремѣли здѣсь обозы, разгружая безчисленное множество всевозможныхъ плодовъ. Всѣ склады, амбары и погреба наполнялись фруктами, которые жадный Петербургъ пожираетъ въ два-три дня...

Сюда за товаромъ приходили лавочники и мелкіе торговцы. Но чаще всѣхъ встрѣчались здѣсь уличные разносчики. Маленькіе, бойкіе и ловкіе, они, какъ вьюны, скользили въ толпѣ, появляясь то тутъ, то тамъ. Имѣя въ рукахъ лотки, бадейки или корзиночки, разносчики шныряли по рынку, отыскивая выгодный и дешёвый товаръ.

Вонъ передъ складомъ Бахрушиныхъ собралась ихъ огромная толпа. Приказчики, потные, усталые и сердитые, вытаскиваютъ изъ погреба покрытые плѣсенью ящики съ порченными фруктами, и маленькіе торговцы, толкая другъ друга, кричатъ, азартничаютъ,

разсматриваютъ товаръ и торгуются до хрипоты, до изнеможенія...

— И откуда только взялась эта саранча,— ворчатъ недовольные приказчики, которымъ хочется скорѣе вырваться на свѣжій воздухъ.

А „саранча“ продолжаетъ дѣлать свое дѣло, не обращая вниманія на приказчиковъ. Въ эту минуту они не похожи на дѣтей. Ихъ лица серіозны и важны, а слова роняютъ они обдуманно и съ достоинствомъ. Малыши понимаютъ, что имъ шалить нельзя. Будучи дѣтьми, они уже давно распростились съ дѣтствомъ и съ беззаботнымъ ребяческимъ житьемъ. На нихъ лежитъ важная обязанность: они кормильцы. Большинство изъ нихъ или сироты, или дѣти бѣдняковъ. Почти всѣ они уличные дѣти, и рѣдко кто изъ нихъ учился въ школѣ. Съ самыхъ раннихъ лѣтъ эти дѣти научились бороться за существованіе и переносить тяжкіе удары судьбы.

Не легко сдѣлаться мальчику разносчикомъ. Прежде всего необходимо купить право на торговлю,—каждый разносчикъ обязанъ ежегодно вносить въ городскую управу три рубля; столько же стоятъ лотокъ, вѣсы и гири; а затѣмъ нужна извѣстная сумма для

покупки товара. Въ общемъ требуется не менѣе десяти рублей. Для бѣднаго уличнаго мальчугана такая сумма является чѣмъ-то въ родѣ сказочнаго богатства. Нерѣдко бываетъ, что родственники или родители будущаго разносчика закладываютъ или продаютъ самыя наинужнѣйшія вещи, чтобы добыть необходимыя деньги для торговли. Но вотъ нужная сумма найдена, номеръ въ управѣ взятъ, товаръ купленъ, и новый разносчикъ выходитъ торговать. Но этимъ еще не все кончено: главныя мученія впереди. Маленькій торговецъ, уплатившій три рубля за право торговли, къ ужасу своему узнаетъ, что онъ не имѣетъ права останавливаться на улицѣ, а долженъ ходить, ходить безъ конца. А лишь только онъ остановился, его немедленно гонитъ городской, угрожая арестомъ. На новичка такое положеніе вещей дѣйствуетъ самымъ удручающимъ образомъ. Мальчикъ теряется, падаетъ духомъ и не знаетъ, куда дѣваться.

II.

„Қоська-Орало“, достигнувъ склада Бахрушиныхъ, оглянулся и, не видя возлѣ себя товарища, сталъ звать его.

— Санька! Сирота!.. Пойдь суды!.. кричалъ изо всѣхъ силъ Қоська.

— Ты чего глотку тиранишь?.. Оглохнуть можно... сердито замѣтилъ Қоськѣ одинъ изъ разносчиковъ.

— А не хочешь ли я тебѣ кулаками уши заткну: не оглохнешь тогда... огрызнулся Қоська и снова принялся звать товарища.

Наконецъ, изъ толпы вынырнулъ Санька и подошелъ къ Қоськѣ.

— Ты гдѣ былъ?

— Меня вонъ тамъ возы стиснули, отвѣтилъ запыхавшійся Санька.

— Ну, ладно... Пройдемъ впередъ: сейчасъ вынесутъ бергамотовыя груши... Сказываютъ, что ящикъ за два рубля отдадутъ, сѣроговоркой и шопотомъ сообщалъ Қоська.

— А сколько грушъ въ ящикѣ?

— Не менѣ тыщи.

— Ну?

— Вѣрно говорю... По двугривенному, стало-быть, сотня. Ужъ чего дешевле!..

— А какія онѣ?

— Кто?

— Да груши?

— А вотъ пойдѣмъ, посмотримъ...

Черезъ полчаса, когда въ рынкѣ стали заирать лавки, Санька и Коська, красные отъ натуги, несли большой длинный ящикъ, наполненный грушами. Ящикъ былъ до того тяжель, что маленькимъ торговцамъ ежеминутно приходилось останавливаться, чтобы передохнуть. Пріятелей сопровождала ватага разносчиковъ.

— Ишь повезло имъ какъ, чертямъ! воскликнулъ одинъ изъ провожавшихъ.

— Повезетъ, коли нахрапомъ лѣзть зачнешь, замѣтилъ другой.

— Я думаю такъ, заговорилъ третій:— не великое счастье поймали они. Ежели бъ они не сунулись съ деньгами, Бахрушины сами заплатили бы, чтобы только навозъ этотъ убрать отъ нихъ.

— А тебя допусти только къ этому навозу, такъ языкъ въ немъ потеряешь! злобно улыбаясь, огрызнулся Коська.

Конкуренты еще долго преслѣдовали товарищей и изъ зависти всячески старались охаить пріобрѣтенный пріятелями товаръ.

У воротъ рынка толпа оставила мальчиковъ въ покоѣ, а сама разсѣялась въ разныя стороны.

— Давай, отдохнемъ! сказалъ Коська, который едва дышалъ отъ усталости.

Разносчики поставили ящикъ и лотки свои на каменный выступъ торговаго ряда и усѣлись сами. Оба они обливались потомъ и были красны, какъ вареные раки... Товаръ они приобрѣли на товарищескихъ началахъ; каждый изъ нихъ вложилъ въ дѣло одинъ рубль.

— А какъ мы дѣлиться будемъ? вдругъ спросилъ Санька.

— Да никакъ, коротко отвѣтилъ Коська.

— То-есть, какъ же это?

— А такъ же...

— Нѣтъ, ты скажи...

— Ну, какъ тебѣ, Санька, не стыдно... Ты будто маленькій, не понимаешь торговаго дѣла. Продадимъ товаръ, а выручку раздѣлимъ пополамъ. Вотъ тебѣ и вся недолга.

— А я думалъ такъ... началъ было возражать Санька, но въ это время къ нимъ подошелъ какой-то мальчикъ, и онъ замолчалъ.